

Этот дневник был привезен из города Сердобска Пензенской области. Хранился он у Марии Алексеевны Щетининой, сестры Георгия Алексеевича Щетинина (см. файл «Родословная»). Г.А.Щетинин работал учителем в селе, потом *скорее всего* был младшим офицером в царской армии, погиб на Кавказе.

ДНЕВНИК

Георгия Алексеевича Щетинина

Когда в душе скопятся тучи,
Когда ты грустью изнываешь –
Возьми перо, себя не мучь ты,
И радость светлую узнаешь!

Г.Щетинин

6 октября 1912 года

6 октября 1912 года

Ах, какой славный Антон Андреевич! Я в первый раз встречаю такого человека. Его быстрый взгляд из-под черных бровей, на первый ~~взгляд~~ раз покажется суровым, но взглядишься в его глаза и они не так уж страшны. Тот жизненный огонек светится в них и придают им суровое, как ночью глаза волка, выражение. Минутами этот огонек ~~исчезает~~ пропадает, тогда мягкая улыбка скользит по его лицу. Суровость безследно исчезает и это улыбающееся лицо становится привлекательным. Черная борода и волосы сглаживают те черты лица, которые придавали ему дикое выражение, и пред вами сидит мягкий, наполненный любовью к другим человек. Но это бывает очень редко. Какая то задумчивость, какое то старание разгадать что то больше бывает у него в выражении. Так вот и хочется сказать что Вам грезится, милый? или чего Вы хотите разгадать? Он практик, к тому же и много читал. Все слова его взвешены и поневоле почти отдаешься их влиянию, но он не таков, чтобы отнять у другого его светлое, а старается разобраться как в своих, так и в чужой мыслях. Иногда ему странным кажется какоенибудь выражение и он не начеет того, почему так, а не иначе; но просто подберет факт, который скажет за противоположность его мнений. Бывают и такие моменты, когда, озлившись чемнибудь, он начинает ссылаться на других, но тотчас же становится заметным, что это только минутная вспышка. Он ничем не руководствуется, ни на чьи слова не глядит, а делает так, как говорит ему его ум. Еще больше привлекателен становится он, когда начинает говорить о литературе, мировых вопросах. Про

политику говорит, но всегда с каким то пренебрежением, как будто его это не касается и то очень редко; больше слушает и усмехается над какими нибудь увлекательными идеями. Он не верит в какую нибудь одну нацию народа, по его: совершенство достигается только всем миром. Одним словом – космополит. Мне он очень нравится – и, дай Бог, побольше таких здравомыслящих людей. Да, я забыл еще сказать, он простой мужик, крестьянин, окончивший начальное училище. Ну, да пора спать, еще не раз придется встретиться с ним, а время уж полночь.

7 октября 1912 года

Весь день посвящен охоте. Хорошо с ружьем стоять на узенькой тропинке и ждать, когда гончая нагонит на тебя зверя. Какое то страшное чувство захватывает тебе душу. Лай слышится далеко и всеми силами стараешься отгадать, куда побежит зверь. Когда же он пробегает от тебя дальше, чем на выстрел, то какая то досада берет тебя, почему встал туту, а не на том месте, где пробежал он. В эту минуту забываешь все; все мысли твои уносятся туда, – с зверем. Но вот лай опять становится сильнее. Зверь успел уже сделать несколько кругов, чтобы отделаться от собаки, но она, как на зло, гонит его опять на охотника. Раздался выстрел. Смолкает лай на время. Густой столб дыма разносится на том месте, откуда слышался звук... и минута – опять визгливый лай удаляется все дальше и дальше. Идешь на выстрел. Еще за несколько сажень слышишь, как заряжают ружье и вполголоса рассуждения: «Ах, черт побери, ну, как же я мог промахнуться». «Что же, товарищ, а заяц где?» «Да куст помешал и поторопился немного», спешит оправдаться он, считая себя как бы виноватым. «Ну, закурим пока!» «Верти». Завертываешь русскую махорку и начинаешь толковать о том, как и где встать поудобнее. Лай усиливается. Настороже ужи и зрение, замираешь на месте. Вот шелест кустов и твой выстрел летит. Какая то робость мгновенно охватывает тебя и ты спешешь на то место. Но видно, тоже погорячился – заряд упал зря. Уже не идешь к товарищу закурить, а скорее стараешься уйти с этого места. После выстрела и охота становится неинтересною и когда то как то становится нехорошей. Моросит дождечек, чего прежде не замечал. Вешаешь на плечо ружье и закуливаешь. Но опять какая то сила заставляет схватить ружье. Вот оно уже не противно. Миг – и выстрел опять раздается по лесу. Радостный крик «закурим» вылетает из уст... Да, пожалуй скажут: «до какого озверения доходят люди!» Но право это делается не ради того, чтобы причинить боль зверю, это в мысли не приходит, просто, чтобы развлечься от той скуки, которая гнетет тебя в душе. Хотя и дурное развлечение, однако – бьют же другие домашний скот, не испытывая при том никакой жалости, для удовлетворения своего животного я, а

это и приятно и полезно. А впрочем, что другие не скажут, пусть говорят, если захотят. Они развлекаются другим – более невинным развлечением, но нам, обитателям деревень, остается только это. Ходя по лесу, забываешь на время ту глушь, которая тебя окружает. Ах! как приятно бывает. Да стоит ли об этом говорить? Нет, лучше бросить!.....

8 января 1915 года

Снова теперь я могу взять перо и вылить на эту бумагу всю тяжесть, которая гнетет душу, точно навалившийся тяжелый камень. Я чувствую, словно как близкому другу выливать на эту бумагу свои горести и печали, и как близкий сердечный друг утешает меня эта запись в минуту нахлынувшей тучи.

С кем поделиться, с кем разделить тоску, когда вокруг ни единой живой души? Стены молчат, им не понять, только и радость – записки. Как возьмешься за пера, так легче становится. Вот святки прошли, отдых имел, а возвратился опять уставшим; да и можно ли отдохнуть в это гнетущее время. Стоны и вопли кругом, зверства, мучения дерущихся печатаются в душе, точно на мягком восковом камне. А всякие страдания, имеющие отзвуки в душе человека, терзают его как свои. Война лично меня почти ничем не коснулась, но видя других, которых семьями берут на убойнице, страшно становится и невольно переживаешь все ужасы. как это люди не додумаются, чтобы жить без кровопролития. Не уж то любовь – только теория?

19 января 1915 года

Целая куча газет. В деревне всегда так, то по недели сидишь без единой весточки, а то целая куча сразу. Перебираешь с первого номера и смотришь статьи тех, которые теперь «не лгут». Это выражение твердо укрепилось среди окружающих и объяснение этому то, что «не в первый раз...». Но ты конечно не потому пропускаешь некоторые статьи, что они написаны недобросовестными писателями, а от простого недостатка времени. Не знаешь писателя, публициста и следовало бы с ним познакомиться, но время не позволяет – и смотришь только тех, которые были известны раньше. Им то уж без рассуждений верят: они то, наверно, «не лгут»?

22 января

Голос природы.

Если ты, пережив своё счастье,
Утомленный от бурь и тревог,

Убежав от людского участия
Неиспорченным сердце сберег,
Если вынес из светского моря
Жажду истины, знания труда –
Приходи: я уйму твою горе,
Я утешу тебя навсегда!
Я не буду с тобой молчалива:
Я в пространствах земли и небес
Покажу тебе дивные дива,
Тьму несслыханных тайн и чудес.

«Мы должны всегда стараться отыскать не то, что нас отделяет от других людей, а то, что есть у нас с ними общего».

Отр. память

«Честным порывам дай волю свободную,
Начатый труд довершай
И за счастливую долю народную
Жизнь всю до капли отдай».

2 марта 1915

«В жизни есть много ступенек; иная ступенька очень мерзка, но и по ней приходится карабкаться «вверх». Вот именно этот «верх» то иногда и заставляет таких людей карабкаться по мерзким ступенькам; они стремятся к высшему, а идут к нему по различным дорогам, не пренебрегая даже грязными, мерзкими. И что же? Большинство людей, карабкающихся вверх по таким дорожкам, сползают вниз и падают на самое дно. Это и понятно – не может человек насиловать свою совесть и всё время идти в грязи, оправдываясь лишь тем, что ~~только~~ и той грязью достигается светлое; нет, по-моему, грязь всегда остается грязью и если не засосёт совсем, то заслонит светлое и стремление к нему на очень долгое время.

10 марта 1915 года

Странные слухи! Неужели это правда? Неужели наше войско в полнейшем развале? Если правда, что сдаются целыми полками, то это так. Но я не верю, чтобы русские люди пошли на хитросплетения прокламации; русский народ, - более чем какой другой, - патриот в душе, и предать отечество, продать свою наци не в его духе. Но хотя и не веришь этому народному слуху, однако что то болезненное заползает в душу от этих сплетней и страшно становится за будущее. Говорят, что причиной отказа воевать служит недостаток провинции, что не за что им умирать. Нервы, конечно, все вздор, а что касается второго, то говорят это в такое тяжелое

время те, которым выгоднее было бы немецкое засилье. А таких людей, повидимому, еще много в России, почему и распространяются эти нелепые слухи. Нет это неправда – русский человек всегда останется русским и никакие обещания прельстить его не могут. Если и были частичные дезертирства, то ведь без них ни одна нация еще не существовала «в семье, как говорят, не без уroda».

10го марта 1915 г. 10 ч. в.

«Знаете, Г.А., Прежемышль взяли!» «Ну?» «Да, в Бакурах говорили. Сегодня приехали из города, и говорят, там уж молебен служили, народ был, «ура» кричали целый час!» Мне пришлось только от радости и удивления открыть рот и слушать эту желаемую весть. Да, чье русское сердце не забьется в эту минуту? Кто останется равнодушным?

Это ведь, пожалуй, конец кровавой войны. С этой победой увидят все, что не победить немцам нас никогда, увидят и они сами. Они четыре раза шли на Варшаву (четыре натиска сдержали наши солдаты), и все таки ничего для себя не добились. Мы хоть и тихо, а движемся к своей цели; остается только одно, пожалеть немцев за их самоуверенность. Будем надеяться, что скоро они откроют глаза и ~~не~~ прекратят свои напрасные набеги.

11го марта 1915г.

Опять падал снег, и крупными хлопьями. Что то опять тоскливое вкрадывается в душу, хотя уже не оставляет, как раньше, больных следов. Эта мимолетная грусть уже не всецело заполняет сердце, а как бы только напоминает о прошедшем кошмарном времени. И как радостно становится, когда туча рассеялась, когда она недолго заслоняла собою светлое и когда это веселое, счастливое вот уже недалеко. Еще каких-нибудь недели две и вода освободится из под своих цепей и, кружась, будет бурлить и напоминать о скорой, скорой весне. Правда, нет красивее этого времени, нет его счастливее!

Вот уже далеко это унесся вперед и сразу стало веселее, только опять это окружающее повертывает в свою сторону, словно, как демон какой, не дает остаться душе в покое. Почему же так волнует все? Неужели вся жизнь должна пройти в этом? Ах, как это страшно! Много раз мне хотелось закрыть глаза и не видеть, что творится вокруг, но они остаются непослушными – и, как нарочно, примечают то, до чего, казалось бы, им нет никакого дела. Что же могу я сделать, когда окружающие стонут, не имея корма скоту; ведь не в силах помочь я им, однако мучает эта беспомощность, так же страдаешь вместе с ними. Ведь я тоже имею право на спокойную

жизнь, я тоже хотел бы жить, а не гнить; кто же отнял у меня это право? Как несправедлива ты, природа, - почему ты дала мне душу не камень, а мягкий воск? Ах, что я? должен ли упрекать тебя в этом? не следует ли, наоборот, благодарить тебя, что не камень, а человеческое сердце дала ты мне? Не знаю, но только больно мне с такой душой, в которой печатаются людские страдания. Может быть, этими словами я и оскорбляю Тебя; Творец, но это вопль, вопль наболевшей души, которая ищет покоя и в то же время находит одни только мучения. А все таки стоит жить – жизнь хороша!

28го марта 1915г.

Возвращаться из Сердобска мне пришлось на саних по земле. Снег на полях местами растаял, но местами сугробы еще не тронулись. В лесу лежат целиком. Ночные морозы задерживали таяние, и только весеннее солнышко днем гнало снег и портило дорогу. На телеге проехать невозможно. Пришлось ехать по-зимнему. Сильные лошади, несмотря на то, что их было три, то и дело вставали, или, рухнув по брюхо в водяную массу, бились на одном месте. Надоедало сидеть, а еще хуже казалось понукание ямщика. Кнут ежеминутно переходил с одной спины на другую, а охрипший голос возницы не знал смены. «Проклятые, вот вас бы заставить орать то, узнали бы тогда, как останавливаться», почти, выходя из себя, кричал он на лошадей. Было и смешно и больно. А впереди, как нарочно, широкая лощина. Вода быстро бежала поверх льда и своей мутностью смутила нас. «Ну, что будет», закричал возница и с каким то диким ожесточением захлестал по лошадям. Не могу сказать, что это боязнь или трусость вдруг охватила меня, только пришлось крепче ухватиться за сани и я ждал с нетерпением, что будет. Но оказывается ничего не случилось. Лошади дружно натянули постромки и минута, как очутились на другой стороне. Невольно оборачиваемся оба назад, и у обоих, как видно, отлегло от сердца. «Теперь, слава Богу, доедем; больше нет «ложбин», а при признаться я страшно трусил – думал лед не выдержит. Ну, заснули!» И опять кнут засвистал над дружными лошадаками. Они напрягали последние силы и казалось вот вот остановятся. «Да ты дай им хоть немного поотдохнуть, дорога то вишь какая – небось измучились.» «Ничего дойдут; тяжесть невелика, сани да мы с вами,» не унимался ямщик подхлестывая то одну, то другую. Всю дорогу ямщик поглядывал вперед и торопил лошадей, как будто ему нудно было прибыть в определенное время. Нынешний раз он почему то вообще не разговаривал.

Бывало, когда случалось ездить с ним, всю дорогу он расспрашивает обо всем и, признаться, своей болтовней иногда даже надоедал. Нынче же оставлял несколько вопросов без ответа, а

если отвечал, то с какой то неохотой. И только уже подъезжая к школе, разговорился: оказывается он дулся на меня, что в такую распутицу заставил его тащиться 40 верст. Но как человек открытый, тотчас извинился . Дорогой мой, что же поделаешь, я и сам бы не хотел ехать, но как говорят «нужда заставляет калачи есть».

25 апреля

Праздничный день. Надоело сидеть одному – газеты прочитаны, книг нет. За окном, как нарочно, весело и шумно. Нарядная толпа то и дело снует из конца в конец: все рады празднику, а главное теплу. У всех на лицах радость и беззаботность, словно нет никаких забот, хотя многим живется очень плохо. Вот эта высокая, красивая девка. Она вся сияет весенней радостью и теперь очень мило гармонирует с окружающей зеленью. Бойкие, «острые» глаза так и улыбаются всем, а гибкий стройный стан невольно привлекает взоры. Недаром ее называют «атаман-девка», да в ней есть что-то атаманское. Она чувствует свое превосходство перед другими, и все почти повинуются ей. Как счастлива она и прочие в этой свободной обстановке, даже завидно. Но нам «интеллигентам» только больно от таких картин. Мы через-чур увлеклись поэзией, чувствуем пожалуй ее, но жить, наслаждаться ей, мы не можем. Мы говорим о природе, о ее красотах, и даже на словах восхищаемся ими, но все это выходит как то поддельно, как то неестественно. Ведь вот я чувствую, хорошо бы теперь без всяких расчетов уйти туда к ним, но сделать этого не могу, - не могу. Да и навряд ли они отнесутся ко мне искренно, как ко другу, какая то занавеса разделяет нас городских от них деревенских и долго-долго эта занавеса будет висеть.

Стихотворения Нацсона.

Вперед, забудь свои страданья,
Не отступай перед грозой,
Борись за дальнейе сиянье
Зари блеснувшей в тьме ночной!
Трудись, покуда сильны руки,
Надежды ясной не теряй –
Во имя света и науки
Свой честный светоч поднимай!
Пускай клеймит тебя презреньем,
Пускай бессмысленный укор
В тебя бросает с озлобленьем
Толпы поспешной приговор.
Иди, не падая душою

Своею торною тропой,
Встречая грудью молодую
Все бури жизни трудовой.
Буди уснувших в мгле глубокой,
Упавшим руку подавай,
И слово истины высокой
В толпу как луч живой бросай.

Друг мой, брат мой, усталый страдающий брат,
Кто ты не был, не падай душой:
Пусть неправда и Зло полновластно царят
Над омытой слезами Землей, -
Пуст разбит и поруган святой идеал
И струится невинная кров,
Вер: настанет пора и погибнет Ваал
И вернется на Землю любовь.
Не в терновом венке, но под гнетом цепей
Не с крестом на согбренных плечах,
В мир прейдет она в силе, славе своей,
С ярким светочем счастья в руках.
И не будет на свете ни слез, ни вражды,
Ни безкрестных могил, ни рабов,
Ни нужды, беспросветной мертвящей нужды,
Ни меча, ни позорных столбов.
О мой друг! Не мечта этот светлый приход,
Не пустая надежда одна:
Оглянись, Зло вокруг через-чур уж гнетет
Ночь вокруг через-чур уж темна!
Мир усталый от мук, захлебнется в крови
Утолится безумной борьбой
И поднимет к любви, к беззаветной любви,
Очи, полные скорбной мольбой.

10 (28ое) апреля 1918г.

Новая весна. Только жизнь не в многом изменилась. Или мы сами не умеем менять ее на более интересную, или она такая и есть, да мы чего то все ждем нового. Все таки, кажется, не все испытал, а эта то загадочность и манит, и заставляет ждать, гадать и думать.

Все чаще и чаще стало приходиться на мысль одиночество. Не то одиночество, которое раньше было среди людей, а чисто физическая – скука. Жизнь заставляет идти по общепринятому, т.е. ею установленному, порядку и, кажется, и мне не избежать его. Что же, если этого не избежать, то попробую, как Подколесин. А вот и попался. Именно не то, требуется не обстановка, а еще такой

близкий человек, который бы сумел и утешить, и рассмешить, и разозлить.

11го апреля.

Опять проснулась душа охотника. Не выдержал. Широкое поле, свежий сырой воздух, вода под ногами так и манят. А крик птицы? Ее полет? Только одно ее появление взволновало кров! Чаше дышишь... Вместе с улетающей вереницей несешься и ты, так и хочется вперед, вперед – пожить той волей, какой живут они... Но если на выстрел наскочишь, то не уйдешь и жалости не жди, разве ?????? глаз или рука. И страшно, и приятно, и больно и досадно. Чудесно в природе все создано...

12 апреля

Хорошо бывает когда свято веришь другим и когда другие тебя не обманывают: так же верят тебе, как и ты им.

13го апреля.

А много еще нужно работать людям над собой, чтобы быть свободными и сильными. Вот год прошел, а перемен почти никаких. Правда, и начинают проблески появляться, но старое, привитое веками, все берет верх. Именно не хватает силы у каждого отказаться, хотя и сознает каждый, что не хорошо, чтобы не сделать дурное. Много таких еще, - бессознательно действующих: их, наверно, исправит могила. Если теперь идет строительство общества, если люди хотят трудиться, то главное нужно обращать на духовное воспитание, просвещение. Вот в таком состоянии, в каком мы находимся, немислимо сделать хорошее: чтобы делать, нужно знать и быть способным к этой работе.

В этом то, я и думаю, **не надо принадлежать к той или иной партии**. Нужно всем работать над собой, всем и всех учить, делиться друг с другом и только доверие к другим разобьет оковы темноты.

Но так ли на самом деле есть? Нет! Много не так. Сейчас главная забота у большинства, воспользоваться темнотой, их личной выгоде натравить одних против других, нажать одному, а с другими не считаться. Вот в это то время и идите вы, сеятели! Сейчас! Сейте, хотя бы по немногу, вы хоть один %, а пройдете; если же почва будет удобнее, то не одно благословение получите вы, внуки его скажут, скажут и праведную, скажет и дело святое. Не бойтесь, идите! Идите и будите; пусть просыпаются, пусть зарождается в совести каждого сознание, пусть каждый задумается над собой: вед он ест венец природы, красота ее – и не безобразить святое.

24 (11) апреля.

Дни летят за днями; не успел сделать и половины того, что хотел, а весна почти на исходе. Вперед никогда не загадывай. Впрочем время еще есть спереди и надо его использовать, хотя это будет опять загадкой. Кое что, впрочем, и сделал: только не совсем хорошо вышло, да, если правду сказать, в такое короткое время нельзя сделать лучше. Если не до конца, то можно предвидеть его.

27 (14) апреля.

(...)

1 (19 мая) июня.

Вот и май почти прошел. Но немного пришлось отдохнуть. Не то время, чтобы, как в прежнее время, успокоились нервы, физические силы возобновились – борьба, борьба и борьба. В настоящем мае повторяются для меня те же волнения, что и в прошлогоднем, только в большей степени. Тогда приходилось много работать, устават – но чувствовать удовлетворенность хоть в этой работе. В настоящее же время совершенно противоположное. Работы нет - усталости много; кажется одно с другим не сходится – но это так. Эти потрясающие душу картины, когда люди повинуюсь силе идут один против другого, гибнут в крови, они изматывают душу хуже, чем какая либо другая работа, и нет ни в чем успокоения.

Вернулся с учительского съезда. Сколько обиды, сколько недовольства, лучше было бы не видеть... Лучшие силы, красота заветных мечтаний, авангард культуры и счастья, что сделали с вами. У вас отняли свободу мышлений, не говорю уже о свободе другой, вас поставили в тяжелое положение и где выход не знает никто. Не знаете вы, что вам делат – хлеб и слова, что выбирать. Выбирайте «мои дорогие, то, что лучше для вас, - но никогда не меняйте золото, на какой либо поддельный металл. Всматривайтесь внимательно, различайте подделку, а то пройдет некоторое время поржавеет он и хватитесь, что вас обманули, да поздно будет – назад утраченного времени не вернешь. Опять приходится верить, надеяться и ждат, когда одумаются люди и прекратятся эти кровавые расправы.

25 (12) июня

Тот же проклятый вопрос. Неужели никогда он не отвяжется и никогда не даст отдохнуть? Вед сколько затрачено энергии, сколько сил уносит он, кажется, скоро сойду с ума, если только он есть. Кругом жизнь кипит ключем, все веселы, здоровы, а ты, как

изгнанник или чуждый природе, не можешь стат жизнерадостным; не можешь пользоваться дарами, красотой... махнут рукой, опуститься на самый низ, обманывать и морочит других и себя невозможно. И видишь, что силы уходят, с каждым проходящим днем чувствуешь как бы целый год уносится жизни, стареешь не только физически, стареешь и нравственно. Да, век свой прожить нелегко. И вся эта проклятая вера в людей, в идеалы – напрасны надежды: люди долго еще не будут людьми,- каких ты воображаешь, а идеалы, как видно, всегда останутся идеалами. «Мы привыкли к самобичеванию, привыкли и замечать худое за другими и это отличительная черта только русского (?) человека» - вот именно этого то по моему и не достаёт в нас в людях русского покроя – самоанализа редко встретишь на нашей земле,- скорее анализ других, да не глубокий, а по одежке. Если бы каждый мог проанализировать себя (я говорю о людях сознательных), то таких ~~грубых~~ тонких обманов эксплуатации у нас, может быть, и не было бы. Нельзя закрывать глаз и, будто социалистам, думать лично только о своем кармане, как бы побольше попало в него от обманутых тобою людей. Не слова нужны, а дела, вот их то у нас не достаёт. Нет у людей твердости, нет сильного характера и гибнет от этого и идеал, и вера в него, остается гадкое чувство самонаживы.

8 (26 июля) августа

Дружеские отношения с Сашей порвались и, как видно, им никогда не быть уже таковыми, какими они были до военной службы и во время пребывания обоих в полку. Тогда ни одна самая, как говорят, задушевная тайна не была утаенной ни мной от него, ни им от меня. Всё мы старались разделить между собой, и радость, и горе, старались крепче связать свои отношения и всегда были довольны один другим. Но вот пришла пора, когда мы (лучше скажу я один, не знаю, как он, после переговоров уже не пришлось как бывало) почувствовали преграду, которая становится между нами. **Это** – январь прошл года, когда он уезжал на фронт. Я не понял тогда, что за чувство было у него: не то ненавист, не то завист тому, что я остаюс здес, а он едет. Только – что то нехорошее промелькнуло у него в глазах, что прежде я никогда не замечал. Я помню, как сейчас, это больно кольнуло меня, мне неловко стало и я почувствовал себя оторванным. Сердце заныло; душа наполнилас безотчетной тоской и этот вечер был для меня самым печальным,- словно умер кто то или что то дорогое, что ничем не может возместится. Я тогда мало обратил на это внимание: думал, что и сухость при прощании просто от того возникла от того состояния духа какое бывает у людей идущих к неизвестному, жестокому, загадочному, где они по случайности остаются жить а потому и приходят в ненормальное состояние. Впоследствии я понял, что это

не просто. Все эти намеки на тех, что засиделись в тылу, все эти разграничения фронтовиков от тыловых, что было только по моему убеждению у людей далеких друг от друга, ясно показывало на то, что и мы не так уже близки друг от друга и не можем далее помириться с тем, что один на фронте, а другой дома и живет спокойно. Это обстоятельство ясно показывало, что наши отношения круто изменились, но причины, конечно, могли быть и не те, что думаю я.

Вот и революция. Я спешу поделиться с ним радостью, хочу обрадовать его душу этим великим праздником, которого мы ждали с благоговением и ответ жду получить таков же, но оттуда мне шлет он о своей усталости, о том, что нервы уже расшатаны, что ему безразлично все.

Это в конец разъединило нашу дружбу и я ясно почувствовал разнородность, отчужденность – мы стали друг для друга не больше не меньше, как простые знакомые. С этих пор в наших отношениях появились новые обороты речи, которые мы раньше не употребляли, а если и употребляли, то они были наивны и без боли. В своих письмах я старался поддержать в нем силы, дать ему бодрость, но в ответ получал какие то намеки, уколы; и это вступление его в батальон смерти. Может быть, тогда в письме по этому поводу я слишком прямо, резко высказывался и это задело его самолюбие, но ведь я не переставал считать его все тем же Сашей, каким он был для меня и до того, а потому и не скрыл от него ничего и написал ему то, что чувствовал. Впрочем, не думаю, чтобы то письмо могло послужить поводом к охлаждению наших отношений – есть еще что то, а что вот это то и есть для меня загадкой. Перейду теперь к тому Знаменитому «пьяному» вечеру, вечеру масленицы в Сердобске, когда наши отношения почти явно обрисовались в новой форме. Я все таки не ждал этого, а потому больно стало, больно до невыразимости. Еще больнее потому, что было так грубо в таком виде разбито святое, светлое... Неужели он до того возненавидел меня, что не мог открыто, без этого драматического эффекта выразит свои чувства. Или, может быть, не имения твердой почвы к разрыву дружеских отношений заставило его разыграть эту комедию – фарс. Я никак не могу назвать это по другому, потому что все вышло как то делано, натянуто точно по чьему то наущению, а не из своей души вылилась вся эта... ну уж и не знаю, как назвать, впрочем понятно и без названий.

И так мы противники. Он ревнует меня. Ах, Саша, Саша! Если бы ты знал, если бы ты поверил мне, как верил раньше, если бы ты мог увидеть в душе все мои мучения, все страдания и любовь к тебе, ты не только бы послушал этих сплетен, кои как видно, наплели тебе твои благодетели, старающиеся привязать тебя к себе большими узами, чем они сейчас в силу твоего семейного

положения есть, ты отнесся ко мне еще более доверчивее, чем был раньше. Не можешь быть ты зверем и па одному только намеку каких то негодяев отвергать дружбу и любовь, не узнав истины. Впрочем, я не так уже много виню тебя – любовь слепа, ревность безотчетна и напрасно было с моей стороны доказывать что либо, ты если (без всяких подсказов и намеков), отдашь своим чувствам. Сам поймешь всю ложность, всю мерзость низкого подозрения.

Я бы больше мог сказать тебе, если бы ты понял и поверил мне; боюсь, что ты сочтешь это уверткой с моей стороны, чтобы отвести твои чувства, твою ненависть ко мне в силу тех обстоятельств, что ты подразумеваешь, а потому и не скажу, только хотелось бы пустить тебя к себе в душу, что бы ты увидел: какая боль, какое страдание у меня в ней от разрыва наших дружеских отношений. Я чуть не каждую ночь думаю, что все кончено, все потеряно, и в силу чего? За что такое мучение? Я с легкостью бы в сердце забыл прошлые светлые дни и минуты, если бы был виноват, если бы я причинил тебе зло, но тем то и больно, что все это выходит без причин. Если я и любил ее, то я не скрывал этого от тебя, ты знал это; но ведь моя любовь не мешала и тебе любить ее. Я не сколько не завидовал, не досадовал на тебя, что она больше любит тебя, чем меня когда либо любила; я даже затаил в себе эту любовь, не открывал, не давал повода, - чтобы она не узнала и чтобы в минуты семейных разногласий ее душа не могла разделиться и любовь к тебе у ней уменьшится. Ты это знал. Я тоже знал. Все же это не мешало нам быть друзьями. Что же теперь то? неужели ты видишь, что мы враги, что мы не можем понять друг друга и этот последний прием, когда я с радостью хотел увидеть тебя и ты, не смотря на то, что видел меня, ушел, лег спать словно, нарочно, хотел показать, что не хочешь встречаться. Разве мне, притупившему свою душу страданиями о твоей потери, это показалось и ты, подозревая ничего, хотел отдохнуть после охоты, надеяс, что я дождусь, когда ты встанешь и мы встретимся, так прости в таком случае, я не в праве упрекать тебя, это скажу подозрение больной души... Я чуть ни со слезами ушел из твоего помещения и это замешательство при прощании заметил даже Григорий Михайлович. Он своей душой понял, что, что то не просто моя поспешность и на лице его боль выразила больше чем он подумал. Прости, дорогой мой, если я своим поведением обидел тебя, я по прежнему люблю тебя и нарочно никогда не могу нанести тебе зла, верю, что это все пройдет, и мы по прежнему может быть останемся друзьями.

10 (28 июля) августа.

Удивительные есть люди как умеют они приспособливаться. Недавно, еще и года не прошло, они были социалистами, трактовали о братстве, равенстве, а теперь, посмотришь, не найдит и из тех, которые раньше то жили чужими трудами и не скрывали этого. Вед они же говорили гражданам, что для наемного труда необходим 8 часов рабочий день. На деле же не только показывают пример другим и проводят его в жизнь, а заставляют работат на себя столько, сколько не один паразит-фабрикант не заставлял работат своих рабочих. Вот и выходит, что не на словах следует быть социалистами, а на деле. Конечно, будь попросвещенней народ – понял бы этих говорунов (смотрел бы не на песни созованные) и не только стал бы восхищаться ими, а напротив, указал бы им истинный пут, который указывали они прежде, когда еще была сила их. Впрочем они сильны и теперь, если не прежней силою, то новой: тонкой своей политичностью. Да, смешно «он и раб и владыка» - умеет и преклоняться перед другими, и заставлять служить себе. Нет – человек не должен быть таким: честные убеждения (правые ли, центра ли, крайне левые ли) и честная последовательность дел согласно с ними, вот что делают человека человеком. А пожалуй долго еще люди (большинство) не дойдут до этого, веками они будут работать над собой, веками ломать свои рутины и создавать новую хрустально-чистую жизнь – жизнь царства труда – «не хули ты старо время, не ругай ты старый век, вед и в наше «ново» время стал не лучше человек», вот как бы теперь написал поэт про нынешних людей, если б встал и увидел.

11²⁰ (24²⁰ июля) августа.

А ведь вы, Георгий Алексеевич, начинаете размениваться на мелочь, да и самую то мелкую. Где же ваш характер? Ваша выдержанность? Не хватает силы? Эх Вы! Куда же вам! Кинулись в жизнь, не продумавши ее. Ну, не неужели Вы так жадны. Неужели эти двадцат лет подвинут Вашу жизнь вперед, приблизят вас к тому, к чему Вы стремитесь? Сейчас вы будете давать объяснение. Я вперед знаю, что Вы скажете. Скажете и ваша часть труда тут есть и потому Вы имеете право взять ее. Так то так дорогой мой, да идея то благодаря этому уходит от тебя, ведь не только в этом, а и в другом ты можешь отступиться и так, шаг за шагом уйдешь далко. Смотри, братец, будь осторожней, а то вед и до пули доживешь, пустишь себе в лоб, говоря, вот и я подлецом стал. Эти счета с совестью очень опасны, легко и оступиться. А вед действительно, если посмотреть с беспристрастной точки – пожалуй уж и не совсем хорошо вышло, что я взял эту рожь. Положим, что часть труда есть и моего. Но ведь и другие трудились же и их труд здесь; впрочем, я недаром просил, а хотел выкупить ту часть, которая не принадлежит

мне. Что же сделать? А вот что. Определить стоимость ржи и сумму отдать на какое нибудь общее дело. Правда – это идея. Тогда я уплачу тем, чей труд перешел ко мне. Только нужно сделать это осторожно, чтобы не стать фаресеем; а впрочем, чего, собственно, бояться, я делаю то, что считаю справедливым, а что другие подумают, так плевать, свой ум есть, им и живи.

13²⁰ (31 июля) августа

(...)

13 ав

(...)

10²⁰ сентября

«В городе арестовывают офицеров. Приехала следственная комиссия и сажает их в тюрьму, так что в город ехат вам, Г.А., опасно.» «Почему?» - «И вас арестуют.» Правда очутиться в тюрьме не совсем приятно, но ведь не вечно же там будут держать. Разберут, снимут следствие и отпустят. Как ни страшные слухи распространяют, но я всегда был и буду уверен, что справедливость всегда возьмет верх. Если только люди на шаг отступят от него, то они еще хуже запутают дело и не разберутся в нем. А эти слухи распространяют может быт для того, чтобы заметать следы или еще более запутат следственную комиссию, - придать ей не то назначение, какое на самом деле она имеет. Никогда я не верил слухам, не поверю и сейчас, поеду в город, а там что будет, то увижу. Если арестуют, то и здесь это сделать могут, да и не так уж это страшно.

12²⁰ сентября.

Еще не стало одного борца. Неужели жизнь так зла, что лучших людей она убирает, а этой мерзости она отдает свои лавровые листья. Нет, видно, ошибся ты автор, когда писал свои хвалебные песни жизни. Не лучшим людям она дари свои венцы, а там, кто более изворотлив, кто менее открыто борется, кто ползать умеет между камнями опасности, вот кто пожинает лавры жизни. Честному, идущему открыто за свои убеждения ты, жизнь, не даришь ничего, ему тобой приготовлены тюрьма ссылки и смерть. Вот смерть более справедливее тебя, она умеет отличать людей, и она дает лавровый венок и славу борцу за святое, светлое. А ты жизнь изменчива. У тебя нет справедливости, а потому не будут тебя люди считать чем то самодавлеющим, а вечно будут бороться с тобой, изменяя тебя и только тогда скажут что ты даешь кому либо что, когда устроят тебя так, что справедливост восторжествует. В

этой борьбе может быть погибнет еще несколько героев, но не погибнет идея святого, и ты переменишь свой вид.

21го сентября.

Лето подходит к концу, скоро приниматься опять за школьную работу. Никогда я еще не страшился начала этой работы, как теперь: - что то новое незнакомое проводится теперь в жизнь; способны ли будем все воплотить или это будут горькие плоды новых опытов. Я и раньше знакомился (теоретически) с трудовым принципом школы, увлекался и применял от части его в жизнь, но ведь в данное время все приходится строить по новому, а вот новое то все и пугает немного. Окончательно же теряться впрочем не следует: всякое дело требует детального его изучения, первые опыты бывают и неудачны, а на ошибках, как говорят, мы учимся. Вместе с этой боязнью у меня и другое чувство есть – чувство глубокой радости: ведь то о чем веками мечтали наши великие педагоги в наше время проводится в жизнь. Школа свободна. Она очищена от всяких примесей духовной и напыщенно-патриотической морали и может учить тому, чего хочет ум ребенка, а не тому, что прикажут. Школа трудовая. При нашем русском режиме, когда один класс веками держал другой в подчинении и, как всякие паразиты атрофируются, сложилась их ничего неделающая каста. Потом и из угнетенного класса начали выходить сначала единицы а потом больше и больше лица, которые получали образование, но пользовались им ни как лично приобретенным для себя, а удалялись от трудовой среды и превращались в ученых чиновников. И этот взгляд, получить от образования материальную выгоду все больше и больше стал было за последнее время распространяться в населении, т.е. вывести белоручек, а самим не работать. Да и школа то собственно воспитывала в этом же духе. Не было затронуто чувство любви к труду, а без него и труд никогда не будет тем святым идеалом, каким его хотят сделать все народы.

1 июня 1919 года

«Довольно, товарищи, теперь мы не смеем сказать, что не доросли до коммунизма, ведь три месяца прошло и каждый из вас, я думаю, успел ознакомиться с программой партии.» Ну что, т Катков у вас за наивность? Разве убеждения человека слагаются из знакомств его с той или другой программой? Если человек знаком со всеми программами, неужели он может одновременно сочувствовать и всем партиям! Я думаю, убеждения, взгляд его на жизнь даются, или лучше выразиться вытекают из жизни, условий ее и борьбы с ней, а отсюда из его душевных восприятий. Только тогда человек может сказать, что он сочувствует той или другой

партии, когда жизнь указала ему его интересы, как экономические, так и нравственные. Мало толку будет из того, кто по прочтению программы и видя лишь одну сторону экономическую против внутреннего своего убеждения вступит в партию, как для самого себя, так и для общества. Если его душевные качества не участвуют, т.е. он не полностью отдался делу в строительстве жизни, так он не будет истинным творцом, а представит из себя автоматическую машину, что я думаю может сказать про себя всякий тот, кто лишь работает по данному шаблону, не внося в свою деятельность инициативы.

И мне страшно становится, когда люди начинают играть своими убеждениями. «Пан, так пан, а не то – так пропал.» Эти люди представляют большую опасность, как для себя, так и для общества.

«Человечество всегда преследует осуществимые задачи».

Маркс.

Неосуществимые задачи – это те, которые не назрели в объективных условиях. Человечество не может их даже поставить себе, не может выдумать их «из головы». Конечно, отдельные вожди забегают вперед на десятилетия, иногда даже на столетия, но человечество в целом имеет в виду только осуществимые задачи, т.е. оно выдвигает на очередь то, что в общем и в целом назрело.

Зиновьев

Первая с-д. группа создается в 1883 г. Отцом с-д. в России можно считать Плеханова, который первый стал в России указывать на рабочий класс, как на авангард социальн. револ.»